

УДК 94(47).083.4

Ипатов А.М.¹, Каширин И.А.²

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Н. КУРОПАТКИНА В ГОДЫ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГОДОВ**

*ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и
Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)*

Ipatov A.M., Kashirin I.A.

**A.N. KUROPATKIN'S WORK DURING
THE RUSSO-JAPANESE WAR OF 1904-1905**

*MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin
Air Force Academy» (Voronezh)*

Реферат: Русско-японская война 1904-1905 годов стала тяжелейшим испытанием для самодержавной Российской империи. Вместо ожидавшейся легкой победы последовало поражение, подорвавшее авторитет государственного аппарата, в том числе армии. Многочисленные военные реформы и преобразования, предпринятые в последней четверти XIX столетия, не удалось эффективно апробировать на полях сражений. Это поставило под сомнение и полководческие способности высшего генералитета, в том числе бывшего военного министра А.Н. Куропаткина. В данном исследовании предпринята попытка на основе различных источников и историографических данных проанализировать действия генерал-адъютанта в ходе войны против Японии.

Ключевые слова: русско-японская война, А.Н. Куропаткин, Николай II, Е.И. Алексеев, Маньчжурская армия, Портсмутский мирный договор.

Abstract: The Russo-Japanese war of 1904-1905 became a severe test for the autocratic Russian empire. Instead of the expected easy victory a defeat followed, which undermined the authority of the state apparatus, including the army. Numerous military reforms and transformations undertaken in the last quarter of the nineteenth century were not effectively tested on the battlefield. It questioned the top generals' leadership abilities, including the former war minister A.N. Kuropatkin. In this study based on various sources and historiographical data an attempt is made to analyze the adjutant general's actions during the war against Japan.

¹ Ипатов Алексей Михайлович – к.и.н., старший научный сотрудник 14 ОНИ НИЦ (ППО и УА ВВС) ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж).

² Каширин Илья Андреевич – курсант 4-го курса 9 факультета авиационного оборудования ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж).

Keywords: *Russian-Japanese War, A.N. Kuropatkin, Nicholas II, E.I. Alekseev, The Manchu army, Portsmouth Peace Treaty.*

Русско-японская война 1904-1905 гг. стала определенным рубежом в военно-политическом развитии Российской империи. Поражение в ней стало сильным ударом для верховной власти, привело к снижению доверия населения к монарху. В этом отношении последствия вооруженного конфликта с Японией можно сравнить с итогами Крымской войны 1853-1856 гг. В результате обеих войн Российская империя оказалась в дипломатической изоляции, снизилось ее геополитическое влияние и возникли сомнения в сохранении ею статуса «великой державы».

Русская императорская армия, снискавшая себе славу на полях многочисленных сражений, поражением в этой войне поставила под сомнение компетентность высшего командного состава. Важнейшую роль в описываемых событиях играл генерал-адъютант (с 1902 года), бывший военный министр (01.01.1898 – 07.02.1904) Алексей Николаевич Куропаткин (1848-1925), 7-го февраля 1904 года назначенный на пост командующего Маньчжурской армией, а с 13 октября того же года по 3 марта 1905 г. управлявший всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке в качестве главнокомандующего. Исследователь А.В. Папазов отмечает: «Он не был карьеристом в обычном смысле: не искал лёгких путей и тёплых мест, не раз отказывался от

выгодных перспектив, к чиnam и наградам шёл через лишения и раны, – и тем значительнее результаты, которых ему удалось достигнуть» [12, с. 157].

О характере и офицерских качествах этого человека лучше всего свидетельствует тот факт, что он добровольно в свое время отказался от поста военного министра, отличался силой воли, гражданским мужеством и самоотверженным служением отечеству. Ему приходилось бороться за свои права и интересы России, как они их понимал, против могущественной так называемой «безобразовской клики», в которую входил наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев, с которым у Куропаткина сложились довольно напряженные отношения. Впрочем, консервативный публицист, известный историк и юрист-международник М.А. Таубе, критиковал и Безобразова, и Куропаткина за их планы в отношении Дальнего Востока, называя первого «великосветским аферистом», а второго характеризую как «малоспособного», «легкомысленного» и «самоуверенного» [16, с. 41-42].

Командующий Маньчжурской армией выступал против активизации внешней политики Российской империи в Корее и Северо-Восточном Китае, противостоя влиянию пользовавшихся доверием и поддержкой царя А.М. Безобразова, Е.И. Алексеева и их единомышленников. Он считал, что от-

сутствие должного финансирования для проведения модернизации вооружения и системы коммуникаций и снабжения на Дальнем Востоке может привести к затруднениям в возможном столкновении с Японией, чем могут воспользоваться противники на Западе. В таких условиях России грозила бы крайне опасная и угрожающая поражением война на два фронта. Те характеристики, которые давались А.Н. Куропаткину в различных кругах российского общества, свидетельствовали о нем, как о человеке, обладавшем феноменальной памятью, аналитическим складом ума, силой воли, эрудицией и работоспособностью, как о в высшей степени профессионале. К слову, патриарх британской исторической науки XX столетия А. Тэйлор, анализируя противоречия в политических кругах Российской империи по вопросу о том, какой должна быть внешняя политика на Дальнем Востоке – активной, наступательной, или пассивной, оборонительной, отмечал что уже начало войны дискредитировало Безобразова и его сторонников и показало правильность позиции бывшего военного министра [17, с. 428].

Назначение Е.И. Алексева главнокомандующим на Дальнем Востоке, а А.Н. Куропаткина – командующим Маньчжурской армией, создавало своеобразное положение двоевластия, мешавшее управлению, как сухопутной армией, так и военно-морским флотом. Наместнику были даны высшие полномочия по гражданской и военной части на всей подведомственной ему терри-

тории Дальнего Востока и, кроме того, были поручены дипломатические сношения, касающиеся соседних стран [13, с. 20]. Алексей Николаевич выступал за оборонительную войну против Японии, считая, что японцы поведут активную атаку против Российской империи, прежде всего, на суше. Однако его рекомендации так и не были учтены главнокомандующим. Тем не менее, как отмечает О.А. Белозерова, «вопреки воинственной политике Е.И. Алексева, Россия не вступила первая в войну, структура управления армией была сохранена, был выработан совместный стратегический план, группа Безобразова потеряла силу...» [1, с. 86].

В мемуарах графа В.Н. Кокцова содержится важная информация о том, что в назначение Куропаткина на пост командующего Маньчжурской армией было встречено в обществе восторженно. Однако если верить автору воспоминаний, не обошлось без некоторой заносчивости со стороны генерала, заявлявшего, что ему «нужно только время собрать армию, а в победе над «макаками» не может быть сомнения» [8, с. 32]. К слову, неоднократно критические замечания в его адрес высказывал и первый премьер-министр Российской империи С.Ю. Витте. Их антипатия, по-видимому, была взаимной. По крайней мере, известный исследователь А.В. Игнатев, описывая обстоятельства проходившего 24 февраля 1898 года совещания под председательством великого князя Алексея Александровича, занимавшего пост генерал-адмирала,

отмечал: «В заседании впервые участвовал новый военный министр А.Н. Куропаткин, с которым Витте предстояло долго сотрудничать, находиться какое-то время в приятельских отношениях, а затем решительно рассориться» [6, с. 70]. По поводу отправки командующего Маньчжурской армией на фронт министр финансов ехидно написал: «Когда Куропаткин уезжал, то он отправлялся на войну со всевозможною помпою, говорил различные речи, как будто бы он уже возвращался с войны победителем Японии. Конечно, было бы гораздо тактичнее и умнее с его стороны уехать на войну спокойно и возвращаться с помпою с войны, уже будучи победителем. К сожалению, вышло совершенно обратное» [5, с. 566].

Прибыв 15 марта 1904 года в Ляоян, Алексей Николаевич развернул бурную деятельность по исследованию местности, сбору анализа существующих российских укреплений, положения в действующей армии и т.д. Отвергая советы предыдущего командующего Маньчжурской армией, генерала Н.П. Линевича, новый командующий проводил медленное отступление, сооружая множество укрепленных зон у железных дорог и крепостей. Смерть адмирала С.О. Макарова, с которым был разработан совместный план действий на суше и на море, и сложилось полное взаимопонимание, привела к тому, что все замыслы А.Н. Куропаткина оказались практически никем не поддержаны и не реализованы.

Стремясь обезопасить себя от возможных нападков со стороны нового военного министра Виктора Викторовича Сахарова, он назначает на пост начальника своего штаба его брата Владимира, однако это не принесло желаемого эффекта, и отношения между ними не сложились. Несостоятельность дяди царя, Е.И. Алексеева, в качестве формально главнокомандующего вооруженными силами Российской империи на Дальнем Востоке была очевидна для всех, в том числе для самого адмирала, неоднократно просившего в письмах к царю освободить его от занимаемой должности. Лишь 13 октября произошла замена его на Куропаткина, на чем настаивало общество, в том числе императрица Александра Федоровна. Алексей Николаевич в отличие от Е.И. Алексеева считал, что исход войны будет решаться на суше, а не «битвой флотов». Его стратегия была построена с учетом знания противника, уникальности театра военных действий и его удаленности [4, с. 154].

Новый главнокомандующий предложил реалистичный план действий, заключавшийся в приверженности оборонительной тактике, отступлению под давлением сильного соперника для сосредоточения сил, которые продвигались медленно по Транссибирской магистрали. Этот план был разработан еще в 1903 году, и утвержден Николаем II 14 января 1904 г. Куропаткин отстаивал точку зрения о неготовности русской армии к моментальному вступлению в бой с японцами в силу того, что войска были слишком рассредо-

точены по огромной территории Дальнего Востока. Более того, он был довольно слабо осведомлен о состоянии японской армии, имея лишь приблизительные данные о ее численности, сильных качествах, тактике ведения боя и так далее. Безусловно, это было бедой главнокомандующего, а не его виной, однако задача по организации отпора японским войскам легче не становилась. В первую очередь причиной недостатка информации о противнике была плохо организованная разведывательная служба, наладить эффективную работу которой не удалось и в ходе войны, а в этом случае вина ложилась уже на самого генерал-адъютанта.

Куропаткин, несмотря на свою браваду в Петербурге перед отъездом на фронт, весьма реалистично оценивал боевую подготовку Японии, отдавал должное блестяще организованной переброске войск на материк. Однако его ошибкой стоит признать некоторое преувеличение мощи противника, что приводило к нерешительности действий, когда того, казалось бы, требовала ситуация. Продолжая увеличивать численность войск, он не предпринимал решительных атакующих действий. Безусловно, способствовала этому слабо развитая сеть железных дорог на Дальнем Востоке, не позволявшая вовремя сосредоточить определенное количество личного состава в заданном месте.

Оценивая реализацию плана главнокомандующего, стоит отметить, что он был выполнен, но не полностью. Несмотря на сдачу Порт-

Артура, Маньчжурская армия сумела сосредоточить в своем составе около 1 миллиона человек, и главное – она не была разгромлена японцами. Однако, несмотря на прекрасную обеспеченность к концу войны личным составом, боеприпасами, техникой, серьезных успехов ей добиться не удалось, что ставит под сомнение успешность действий А.Н. Куропаткина в качестве ее командующего. Сам он впоследствии писал: «... наша армия оказалась не в силах дать нашей родине победу в тот срок, который был оставлен в её распоряжении, но могла продолжать борьбу с полной надеждой на успех» [9, с. 200]. Отметим, что точка зрения о преждевременном окончании войны была распространенной среди личного состава Маньчжурской армии. Сам главнокомандующий выступал против заключения мирного договора с Японией, как по военным, так и по политическим соображениям. Резкой критике Куропаткин подверг действия С.Ю. Витте во время переговоров в Портсмуте. По его мнению, премьер-министра обманули как ребенка, он был чрезмерно уступчив, японцы получили слишком большую контрибуцию за победу над Российской империей. Очевидно, генерал-адъютант был столь категоричен в своих оценках потому, что хотел всю вину за неудачу по итогам русско-японской войны 1904-1905 гг. возложить на политиков, сняв, тем самым, ответственность с себя. Между тем, С.Ю. Витте за свою роль на переговорах удостоился и противоположных, хвалебных отзывов. Нередки были и

хвалебные отзывы. Один из них в своих мемуарах оставил известный государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи в 1906-1910-х гг. А.П. Извольский. Он писал о тогдашнем председателе Совета министров: «Во время переговоров в Портсмуте он обнаружил не только исключительный талант, как руководитель переговоров, но также твердость характера и самозабвение, которые не отличали его в другие периоды его деятельности» [7, с. 90-91]. Таким образом, очевидно, что стремление Куропаткина возложить всю ответственность за итоги войны на политиков, в том числе, на ненавистного Витте, не воплотилось в реальность. Любопытно, что канадский историк Д. Схиммельпенник ван дер Ойе критические ноты высказывал как раз в Витте, называя его «одним из ведущих архитекторов наступательной политики на Тихом океане» [15, с. 105].

Какие же ошибки как полководец совершил А.Н. Куропаткин? В первую очередь это переоценка противника, которая приводила к нерешительным действиям. В связи с этим он упустил несколько прекрасных возможностей для проведения наступательных операций на неподготовленные японские войска, считая, что они значительно превосходят по численности вверенную ему в управление армию. Кроме того, Алексей Николаевич сильно ошибся с датой начала активных боевых действий, полагая, что они не начнутся раньше осени 1904 года. Неоднократно в адрес главнокоман-

дующего звучали обвинения в необоснованном оставлении хорошо укрепленных позиций, в пассивности действий при обороне, исключавших переход в контратаку при выгодных для этого условиях. Это приводило к падению боевого духа войск, не веривших в собственные способности к победе над японскими войсками. Впрочем, некоторые современные исследователи, вопреки всему выше написанному, предлагают оценивать генерала «как самоотверженного человека чрезвычайного самоконтроля, выдержки и воли, знатока своего дела, вдумчивого аналитика, прослеживающего развитие событий наперед, полководца быстро ориентирующегося на постоянно меняющемся театре действий и нацеленного на победу» [2, с. 56].

В недостаточной мере командующий Маньчжурской армией учитывал пространственно-географический фактор, недооценивая проблемы японцев со снабжением их армий, которые были даже более значительными, чем у русских войск. Там где отечественные войска отступали, противник стремился максимально выгодно использовать имеющиеся коммуникации для проникновения вглубь российской территории. Защищая своего командующего, один из наиболее успешных командиров полков Маньчжурской армии, Е.И. Мартынов, по окончании войны писал: «Вместо того, чтобы отходить назад, по возможности избегая серьёзных столкновений, дабы не дать неприятелю даже иллюзии успеха, мы при своём

преднамеренном отступлении разыграли ряд кровопролитных боёв: Тюренчен, Вафангоу, Дашичао, Ляньдянсан, Ляоян и множество мелких. Из этих боёв Тюренчен и Вафангоу были навязаны Куропаткину свыше, остальные же он дал по своей воле с целью использовать, как он выражался, встречавшиеся на пути позиции» [11, с. 13].

Современники, оценивая личные качества и черты характера Главнокомандующего русской армией на Дальнем Востоке с 13 октября 1904 года по 3 марта 1905 года, писали о нем как о человеке умном, всесторонне образованном, имеющем отличную боевую репутацию, дар слова, административный талант, прекрасно владеющем военным делом, любящем и понимающем солдата, но, в то же время, не умеющем рисковать и нерешительном. В ходе вооруженного столкновения с Японией Алексей Николаевич продемонстрировал стремление действовать строго в соответствии с разработанным планом, что, в определенной степени демонстрировало отсутствие у него тактической гибкости. Подобные выводы подтверждает и внимательный Е.И. Мартынов, писавший: «С первых же шагов его детально разработанный план оказывался разрушенным. Являлась необходимость быстро принять новое решение и энергично привести его в исполнение. Однако Куропаткин не был на это способен: он не мог быстро создать новый план, потому что его медленно работающий, исключительно аналитический ум не

был способен на мгновенное смелое творчество...» [11, с. 16].

Помимо личностных качеств Алексея Николаевича, мешавших эффективному управлению армией, мешало ему также и непонимание того, как необходимо грамотно использовать преимущества собственных войск, что было в целом проблемой для отечественного высшего офицерского корпуса. К тому же, прослужив длительное время в Средней Азии, он имел определенную склонность к так называемой отрядомании, то есть к отдельному использованию воинских соединений. С этой проблемой была связана другая – неумение использовать имеющиеся резервы, что в совокупности приводило к смешиванию войск и нарушению должного управления ими. Отметим, что к концу войны творческий порыв Куропаткина иссяк, и ряд операций разрабатывался не им. Либо, как в Мукденском сражении, он действовал вовсе без определенного плана, что привело к разгромному поражению русской армии.

Неудачные действия генерал-адъютанта на посту Главнокомандующего русской армией на Дальнем Востоке привели в итоге к его замене генералом Н.П. Линевицем и к вызову в столицу. Не желая с позором возвращаться в Петербург, Куропаткин неоднократно обращается к царю с просьбой оставить его при действующей армии, и, в итоге, он был вновь назначен командующим Маньчжурской армией. Если в столице подобный шаг вызвал неодобрение, то в войсках, напротив,

породил эмоциональный всплеск, так как многие солдаты и офицеры относились с большим уважением к Алексею Николаевичу. Значительных действий в этот период командования Маньчжурской армией он не предпринял. Исследователь Б.В. Лунин, критикуя руководство русской армии в этой войне, в том числе Куропаткина, писал: «Только тупостью и бездарностью русского командования можно объяснить, что опыт такого рода победоносных схваток русской казачьей кавалерии с японской пехотой не был более широко использован в военных действиях» [10, с. 71]. Думается, в данном случае эмоциональность автора перевесила научный критический анализ.

Безусловно, действия Куропаткина в различные периоды войны оказывали влияние на исход того, или иного сражения, или операции, но называть его главным виновником поражения нет никаких оснований. Отметим, что после войны он «оставался желанным гостем во многих влиятельных домах Петербурга» [14, с. 109]. Алексей Николаевич оказался заложником неподготовленности Российской империи к войне с мощным и напористым противником в отдаленном окраин-

ном регионе. Ситуация, которая сложилась перед и в ходе русско-японской войны, отчасти напоминала опыт двух предыдущих войн – Крымской 1853-1856 гг. и русско-турецкой 1877-1878 гг. Однако тогда, генералитет русской императорской армии обладал поколением выдающихся военачальников, умевших повернуть неудачно складывающуюся компанию в свою пользу. В войне 1904-1905 гг. подобных «героев» не оказалось. По сути, А.Н. Куропаткин был самым способным и выдающимся представителем когорты высшего офицерства своего поколения, однако отдельные лица не могли сломить существовавшую порочную систему, при которой русская армия не получала должного внимания от власть имущих, и ее жизненно важные потребности учитывались далеко не всегда. Исследователь О.А. Белозерова резюмирует: «Новый научный материал и объективный, фактологический подход, а также очевидный отход от традиционной оценки деятельности генерала указывают на важность всестороннего исследования его жизни, деятельности, на дальнейшее освоение и публикацию его военного и теоретического наследия» [3, с. 265].

Список литературы

1. Белозерова О.А. Военный министр генерал Алексей Николаевич Куропаткин о наместничестве на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны (1903 год) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 73-93.

2. Белозерова О.А. Командующий Маньчжурской армией генерал Алексей Николаевич Куропаткин (по дневниковым записям начала русско-японской войны 1904-1905 гг.) // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 47-56.

3. Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность генерала А.Н. Куропаткина накануне и в период русско-японской войны (1904-1905). Историографический обзор публикаций за последние двадцать лет // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17. С. 250-280.

4. Белозерова О.А. Об оценке стратегии генерала А.Н. Куропаткина в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2014. № 2. С. 154-163.

5. Витте С.Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1247 с.

6. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М.: Международные отношения, 1989. 334 с.

7. Извольский А.П. Воспоминания. Пг.: Петроград, 1924. 191 с.

8. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919: В 2 т. Т. 1. Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия». 511 с.

9. Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904-1905: Итоги войны. СПб.: Изд-во Полигон, 2003. 525 с.

10. Лунин Б.В. Донские казаки в русско-японской войне 1904-1905 годов. Р.-н.-Д.: Ростовское областное книгоиздательство, 1939. 111 с.

11. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб.: Военная Типография, 1906. 176 с.

12. Папазов А.В. Генерал А.Н. Куропаткин на службе Отечеству // Вестник Екатеринбургского института. 2011. № 4. С. 156-160.

13. Русско-японская война: Осада и падение Порт-Артура. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 733 с.

14. Свириденко А.Н. Алексей Николаевич Куропаткин: драма неуместности // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 1999. Т. 1. № 2. С. 104-111.

15. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.

16. Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 272 с.

17. Тэйлор А. Борьба за господство в Европе 1848-1918 гг. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 644 с.

References

1. Belozerova O.A. Voennyj ministr general Aleksej Nikolaevich Kuropatkin o namestnichestve na Dal'nem Vostoke nakanune russko-japonskoj vojny (1903 god) // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2013. № 14. S. 73-93.
2. Belozerova O.A. Komandujushhij Man'chzhurskoj armiej general Aleksej Nikolaevich Kuropatkin (po dnevnikovym zapisjam nachala russko-japonskoj vojny 1904-1905 gg.) // Mir politiki i sociologii. 2013. № 10. S. 47-56.
3. Belozerova O.A. Gosudarstvennaja i voennaja dejatel'nost' generala A.N. Kuropatkina nakanune i v period russko-japonskoj vojny (1904-1905). Istoriograficheskij obzor publikacij za poslednie dvadcat' let // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2014. № 17. S. 250-280.
4. Belozerova O.A. Ob ocenke strategii generala A.N. Kuropatkina v russko-japonskoj vojne 1904-1905 gg. // Vestnik SPbGU. Ser. 2. Istorija. 2014. № 2. S. 154-163.
5. Vitte S.Ju. Vospominanija. Polnoe izdanie v odnom tome. M.: Izd-vo AL"FA-KNIGA, 2010. 1247 s.
6. Ignat'ev A.V. S.Ju. Vitte – diplomat. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1989. 334 s.
7. Izvol'skij A.P. Vospominanija. Pg.: Petrograd, 1924. 191 s.
8. Kokovcov V.N. Iz moego proshlogo. Vospominanija 1903-1919: V 2 t. T. 1. Parizh: Izdanie zhurnala «Illjustrirovannaja Rossija». 511 s.
9. Kuropatkin A.N. Russko-japonskaja vojna, 1904-1905: Itogi vojny. SPb.: Izd-vo Poligon, 2003. 525 s.
10. Lunin B.V. Donskie kazaki v russko-japonskoj vojne 1904-1905 godov. R.-n.-D.: Rostovskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo, 1939. 111 s.
11. Martynov E.I. Iz pechal'nogo opyta russko-japonskoj vojny. SPb.: Voennaja Tipografija, 1906. 176 s.
12. Papazov A.V. General A.N. Kuropatkin na sluzhbe Otechestvu // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2011. № 4. S. 156-160.
13. Russko-japonskaja vojna: Osada i padenie Port-Artura. M.: AST: Tranzitkniga, 2004. 733 s.
14. Sviridenko A.N. Aleksej Nikolaevich Kuropatkin: drama neumestnosti // Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii. 1999. T. 1. № 2. S. 104-111.
15. Shimmel'pennink van der Oje D. Navstrechu Voshodjashhemu solncu: Kak imperskoe mifotvorcestvo privelo Rossiju k vojne s Japoniej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 421 s.
16. Taube M.A. «Zarnicy»: Vospominanija o tragicheskoj sud'be predrevoljucionnoj Rossii (1900-1917). M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2007. 272 s.
17. Tjejlor A. Bor'ba za gospodstvo v Evrope 1848-1918 gg. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1958. 644 s.